

*They
Wish
They
Were
Us*

JESSICA GOODMAN

*Дни
Хотят
Быть
Как
Мы*

ДЖЕССИКА ГУДМАН

**LIKE
BOOK**

Москва
2021

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г93

They Wish They Were Us

JESSICA GOODMAN

Copyright © 2020 by Jessica Goodman

All rights reserved including the right of reproduction in whole
or in part in any form.

This edition published by arrangement with Razorbill, an
imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin
Random House LLC.

Jacket Photography © 2020 by Christine Blackburn

Jacket Design by Maggie Edkins and Jessica Jenkins

Перевод с английского *И. Литвиновой*

Художественное оформление *Ю. Девятовой*

Гудман, Джессика.

Г93 Они хотят быть как мы / Джессика Гудман ; [перевод
с английского И. А. Литвиновой]. — Москва : Эксмо,
2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-123165-1

Говорят, что только святые умирают молодыми. Но Джилл Ньюман точно знает: это всего лишь строчка из глупой песни.

У Джилл нет дорогой машины, она не носит дизайнерские вещи и не загорает на лучших пляжах Лонг-Айленда. Только благодаря упорному труду девушка смогла получить стипендию и поступить в «Голд Кост», самую престижную школу страны.

Здесь все выглядит идеально, но что на самом деле скрывается за красивым фасадом этой школы? Ее лучшая подруга, ослепительная и талантливая Шайла, была убита своим бойфрендом Грэмом. Он во всем сознался, и дело было закрыто.

Но когда начался последний учебный год, Джилл неожиданно получила несколько сообщений о невиновности Грэма. Тогда кто убил Шайлу Арнольд?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© И. Литвинова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-123165-1

*Маме и папе,
с благодарностью за семью и крылья*

ПРОЛОГ

Просто чудо, что кому-то удастся окончить школу живым и невредимым. Трудно уцелеть, когда всё вокруг — риск или хитро поставленная ловушка. Если кого не доконает собственное сердце, растоптанное и разбитое, можно стать жертвой совершенно банальной и не менее трагической истории — пьяной аварии, проезда на красный свет светофора во время переписки за рулем, злоупотребления таблетками. Но Шайла Арнольд ушла из жизни не так.

Формально причиной смерти стала травма от удара тупым предметом, нанесенного ее бойфрендом, Грэмом Кэллоуэем. Следы морской воды в легких позволяли сделать самое простое предположение о том, что она утонула, но при более тщательном осмотре нельзя было не заметить шишку на голове и слипшиеся от крови пряди длинных светло-медовых волос.

Травма от удара тупым предметом. Так сказано в свидетельстве о смерти. И записано в регистрационных книгах. Но *на самом деле* она умерла не от этого. Не травма от удара стала причиной ее смерти. Я думаю, она умерла от злости, от предательства. От желания получить слишком много всего и сразу. От того, что никогда не чувствовала себя сытой.

Всепоглощающая ярость разрушила ее. Мне ли этого не знать, ведь я испытываю то же самое. *Почему нам пришлось страдать? Почему выбрали именно нас? Как получилось, что мы слетели с катушек?*

Уже и не вспомнить, какими мы были раньше, когда гнев прорывался наружу лишь временами. Мимолетным чувством, вызванным ссорой с мамой или упрямым желанием моего младшего брата, Джареда, съесть последний кусок яблочного пирога в День благодарения. Такие вспышки гнева казались безобидными, потому что рассеивались сами собой. Как морская волна накатывает и обрушивается на берег, прежде чем успокоиться. Все неизменно возвращалось на круги своя.

Теперь же во мне как будто живет монстр. Он поселился во мне навечно и только и ждет удобного момента, чтобы вырваться из моей груди на свет божий. Интересно, не так ли чувствовала себя Шайла в последние мгновения своей жизни?

Говорят, только святые умирают молодыми, но это всего лишь строчка из глупой песни, что мы распевали. Это не про жизнь. И это неправда. Я знаю точно, потому что Шайла Арнольд была какой угодно — блистательной и веселой, самоуверенной и необузданной. Но если честно? «Святая» — это совсем не про нее.

1

Первый день учебного года подчинен неизменно-му сценарию: мы отдаем дань памяти Шайле. Сегодня она *могла бы* отмечать начало своего выпускного года. Вместо этого вот уже три года как ее нет с нами. И мы получаем еще одно напоминание о том, что с ней произошло.

— Готова? — спрашивает Никки, когда мы въезжаем на стоянку. Она лихо паркует свой блестящий черный «БМВ», подарок родителей к новому учебному году, и делает жадный глоток кофе со льдом. — Потому что я совсем не готова. — Она опускает зеркало, наносит на губы слой помады цвета арбузной мякоти и щиплет себя за щеки, пока на них не появляется румянец. — Не проще им было бы установить мемориальную доску, устроить благотворительный марафон или что-то в этом роде? Чем так издеваться над нами?

Никки вела обратный отсчет до первого дня выпускного года с тех пор, как мы разошлись на летние каникулы в июне. Сегодня она позвонила мне в 6:07 утра и, когда я перекадилась на край кровати и в тумане дремы схватила трубку, даже не стала дожидаться моего приветствия.

— Будь готова через час или ищи другого, кто тебя подвезет! — крикнула она, стараясь перекрыть шум работающего фена.

Ей даже не пришлось сигналить, когда она подъехала к моему дому. Я догадалась, что она ждет снаружи, по оглушительным звукам песни Уитни Хьюстон «Как мне узнать». Мы обе питаем слабость к музыке восьмидесятых годов. Когда я забралась на переднее сиденье, Никки выглядела так, словно уже выпила два «венти»¹ из «Старбакса» и с ней поработала целая команда визажистов и стилистов. Ее темные глаза мерцали, подведенные блестящими тенями, а рукава темно-синего блейзера с эмблемой подготовительной школы «Голд Кост»² она закатала до локтей в искусной, но небрежной манере. Никки — одна из немногих, кому удается придать шик нашей уродливой школьной форме.

К счастью, прошлой ночью меня не мучили кошмары и почти вечные мешки под глазами исчезли. Не повредило и то, что у меня оказалось несколько лишних минут, чтобы нанести толстый слой туши на ресницы и привести в порядок брови.

Когда Никки вырулила с подъездной дорожки моего дома, у меня закружилась голова от предвкушения. Наше время пришло. Наконец-то мы добрались до вершины.

¹ Размер стаканчика в сети кофеен «Старбакс». Слово «венти» переводится как «двадцать» — именно такое количество унций содержится в стаканчике объемом 591 миллилитр.

² Дорогостоящая частная школа по подготовке абитуриентов к поступлению в колледж, особенно престижный.

Но теперь, когда мы действительно здесь, впервые на парковке для выпускников «Голд Кост», дрожь пробегает у меня по спине. Нам предстоит пройти через мемориал Шайлы, и он висит над нами, как облако, готовое пролиться дождем и смыть все следы веселья.

Смерть Шайлы стала первой за всю историю «Голд Кост», поэтому никто не знал, как себя вести и что делать. Но, так или иначе, выход нашли. Учебный год решили начинать с пятнадцатиминутной церемонии в честь Шайлы, сохраняя эту традицию до тех пор, пока мы не окончим школу. И в качестве благодарности Арнольды выразили желание пожертвовать средства на обустройство нового английского крыла, названного именем Шайлы. Хорошо сыграно, директор Вайнгартен.

Но никто не хотел вспоминать Грэма Кэллоуэя. Его имя даже не произносили вслух.

Прошлогодня церемония памяти прошла не так уж плохо. Вайнгартен взял слово и сказал что-то о том, как Шайла любила математику — вот уж неправда! — и с какой радостью начала бы углубленный курс по этому предмету, будь она по-прежнему с нами, — насчет этого он тоже загнул. Как и год назад, прибыли мистер и миссис Арнольд, заняли места в первом ряду аудитории, вытирая щеки хлопчатобумажными носовыми платками, старомодными и настолько ветхими, что выглядели почти прозрачными и, вероятно, хранили следы соплей десятилетней давности.

Мы шестером сидели рядом с ними, на почетных местах, олицетворяя собой уцелевшую когорту Шайлы. Нас, избранных, было восемь человек. Но после той ночи осталось шестеро.

Когда Никки протискивается на парковочное место, отведенное для президента класса, там нас уже поджидает Квентин.

— Мы — выпускники, суки! — восклицает он и шлепает по моему окну тетрадным листком с наспех нарисованной карикатурой нашей троицы. Никки изображена с председательским молотком президента выпускного класса, я держусь за телескоп вдвое больше меня, а фигура Квентина залита огненной краской в тон его волосам. От картинки нашего маленького трио мое сердце тает.

Я радостно взвизгиваю при виде настоящего Квентина и распахиваю дверцу машины, бросаясь ему на грудь.

— Ты здесь! — Я утыкаюсь лицом в его пухлую грудь.

— Ой, Джилл, — смеется он. — Иди сюда, Никки. — Она кидается в наши объятия, и я вдыхаю розистый запах белья Квентина. Никки оставляет липкий поцелуй на моей щеке. В считанные секунды к нам подлетают остальные. Роберт, с зачесанными назад волосами, делает последнюю затяжку мятной электронной сигареты «Джул» и прячет ее в карман кожаной куртки. Ему светит куча взысканий за кожанку вместо блейзера, но Роберту все нипочем. — Не могу поверить, что нам придется снова пройти через это, — говорит он.

— Что ты имеешь в виду? Школу или Шайлу? — Генри подходит сзади и кладет руку мне на ягодицу, покусывая мочку моего уха. От него исходит обалденный запах мужчины — аромат свежескошенной травы с примесью дорогого французского дезодоранта. Я краснею, думая о том, что сегодня нас двоих

впервые увидят в школе как *пару*, и чуть склоняюсь к нему, утыкаясь плечом ему под мышку.

— А ты как думаешь? — Роберт закатывает глаза.

— Заткнитесь вы, идиоты, — одергивает их Марла, перекидывая платиновую косу через мускулистое плечо. Лицо у нее загорелое после лета тренировок в лучшем спортивном лагере Новой Англии по хоккею на траве. Ключка болтается за спиной в холщовой сумке, откуда торчит обмотанная клейкой лентой ручка. Как высший символ будущей университетской реальности. Она носит его с гордостью.

— Как скажешь, — бормочет Роберт. — Давайте покончим с этим. — Он устремляется вперед, увлекая нас за собой на травянистый двор, ухоженный и нетронутый после лета без школьников. Если встать в правильном месте, под часовой башней и на два шага правее, можно увидеть полоску пролива Лонг-Айленд всего в миле вниз по дороге и высокие парусники, осторожно покачивающиеся на волнах рядом друг с другом. От соленого воздуха у меня вьются волосы. В этих краях нет смысла пользоваться «утюжком».

Замыкая шествие, я разглядываю спины своих друзей. Их идеальные силуэты на фоне солнца. Всего на мгновение мне кажется, что не существует ничего, кроме нас, Игроков. Мы — силовое поле. И только мы знаем правду о том, что нам пришлось преодолеть, чтобы стать такими.

Ученики из младших классов — *подштанники*, как называет их Никки для краткости, — пробегают по мощным дорожкам, но никто не приближается к нашему маленькому отряду. Они держатся на расстоянии — нервно одергивают чересчур накрахмаленные

белые рубашки, закрепляют пряжки ремней, поправляют плиссированные клетчатые юбки. Никто не осмеливается посмотреть нам в глаза. Все уже усвоили правила игры.

Я успеваю порядком вспотеть к тому времени, как мы добираемся до театрального зала, и, когда Генри открывает передо мной дверь, меня охватывает ужас. Большинство обитых бархатом кресел уже занято, и все тарачат на нас глаза, пока мы двигаемся по проходу к нашим местам в первом ряду рядом с мистером и миссис Арнольд. Они оба в черных одеждах. Когда мы подходим, Арнольды встают и поджатыми губами раздают каждому из нас воздушные поцелуи. Чмокающие звуки эхом разносятся по пещерообразному залу, и омлет, съеденный на завтрак, сворачивается у меня в животе. Все это напоминает мне похороны моего деда, когда мы часами стояли, принимая бесконечных гостей, пока мой сморщенный рот не завял вконец, подобно цветку. Я последней приветствую миссис Арнольд, и она впивается мне в кожу алыми ногтями.

— Здравствуй, Джилл, — шепчет она мне на ухо. — С новым учебным годом!

Я ухитрюсь улыбнуться и выдергиваю руку из ее хватки после слишком затянувшейся паузы. Когда я протискиваюсь между Генри и Никки, мое сердце отчаянно бьется. Шайла смотрит на нас из золоченой рамы, водруженной на подставку, напоминающую мольберт, посреди сцены. Ее золотистые локоны ниспадают свободными пляжными волнами, а глубокие зеленые глаза излучают особый магнетизм — спасибо фотошопу. Она выглядит все так же, навечно оставшись пятнадцатилетней, в то время как все мы при-

обрели лишние прыщи, более болезненные месячные, отвратительное несвежее дыхание.

В зале пахнет копировальной бумагой и заточенными карандашами. Исчез мускусный аромат, поселившийся здесь к концу прошлой весны. Арнольды не ошиблись с выбором помещения для мемориала своей дочери. Этот зал был любимым местом Шайлы на кампусе. Она играла главные роли почти в каждой школьной постановке, выходя с дневных репетиций в эйфории, мне совершенно непонятной.

— Мне необходимо блистать в лучах софитов, — сказала она однажды с глубоким, грудным смехом. — По крайней мере, я могу в этом признаться.

— Доброе утро, школа «Голд Кост», — разрывает тишину зычный голос директора Вайнгартена. Его галстук-бабочка слегка перекосялся, а усы, цвета соли с перцем, были аккуратно подстрижены над острым подбородком. — Я вижу много новых лиц в наших рядах и хочу поприветствовать их от всего сердца. Присоединяйтесь ко мне.

Все поворачиваются к новичкам — детям, которые прежде учились в государственных школах и до сих пор думали, что первый день учебного года начинается с классного часа и переключки, а не с речей, обращенных к мертвой девушке. И вот теперь, в этом незнакомом и странном месте, их выдает замешательство на лицах. Новеньких легко распознать. Когда-то и я была одной из них, в шестом классе. О получении стипендии на обучение мне сообщили всего за неделю до начала занятий, и я пришла в школу «Голд Кост», где никого не знала. От этих воспоминаний у меня едва не начинается крапивница.